

В. В. Пахорукова (Сыктывкар)

Песенная лирика Питю Ёньё (1899-1937)

Андрей Никифорович Зубов (Питю Ёньё) – учитель, поэт, фольклорист, автор учебников для школ, один из основоположников коми-пермяцкой литературы.

Первые литературные опыты Питю Ёньё вошли в сборник авторских произведений на иньвенском диалекте коми-пермяцкого языка «Горадзуль» [1].

Нетрудно заметить прямую зависимость от народной поэзии каждого из опубликованных в первом печатном сборнике 28 текстов то в жанре, то в сюжете, то в образах, то в изобразительных средствах. Доминирует в «Горадзуле» песня. Из 28 текстов 12 написано А. Н. Зубовым. Воспитанный на национальной фольклорной традиции, А. Зубов свои произведения адресовал не столько читателю, сколько слушателю. Создатель и исполнитель как бы объединены в его ранних творениях. Песни его иногда трудно отличить от народных, настолько они близки по структуре и художественным средствам. Часто он характеризует обстоятельства, место действия в момент исполнения песни («Кёкё горттём» – Кукует бездомная) или в прошлом («Пемыт ойён» – Темной ночью).

Основа образности песен Питю Ёньё – символ. Темная ночь, светлый ручей, белая береза, кукушка – эти традиционные символы, характерные не только для коми-пермяцкого фольклора, в поэзии А. Зубова формируют при двух планах – предметном содержании образа и его переносном значении – активную внутреннюю работу читателя. Высокая степень концентрации мысли и чувства, обобщенности картин действительности отличает пенсию «Пемыт ойён» (Темной ночью). В экспозиции ее с большой эмоциональной силой передана сложность пути человека:

Пемыт ойён да арся кадын
 Ок, менё кёркё мамё чужтёма;
 Сизим арён да шёрттём дёра
 Ок, паськыт муввас панны тшёктёма.
 Темной ночью да в осеннюю пору
 Ок, когда-то меня мама родила.
 В семь лет (или в семь осеней) да холст без ниток
 Ок, на широкой земле наказала сновать.

Образы темной ночи, темного леса во многих произведениях ассоциируются с представлениями о тяжелой беспросветной жизни (Ф. Тараканов «Песня», А. Зубов «Мама, завтра рано встань», В. Савин «Родился и вырос среди темного леса»). В некоторых произведениях эти образы вынесены в название (А. Зубов «Сквозь темную ночь», «Темной ночью», В. Савин «Родился и вырос среди темного леса»), и все произведение получает символический смысл. В приведенном отрывке образ темной ночи усиливается, дополняется другим, метафорическим образом – «Сизим арён да шёрттём дёра, ок паськыт муввас панны тшёктёма» (в семь осеней да холст без пряжи, ох, на широкой земле наказала сновать) (основу холста). Скрытое уподобление человеческих усилий бессмысленной работе возникает на основе реально увиденного осеннего и зимнего труда по обработке льна. «Холст без ниток» – это формула невозможного. Из двух видов изобразительности, символического и периферийного, генетически

присущих лирической песне, символический («Темная ночь», «Холст без ниток») и периферийный, дающий «возможность существования в песне элементов, непосредственно не связанных со сквозным действием и способных отключиться от фабульного хода событий» [2], первый – «основать основу холста без ниток» является источником «открытости лирической песни для проникновения в нее периферических деталей, возникающих в памяти читателя ассоциаций. «Холст без ниток» ассоциируется с человеческой судьбой не только в коми-пермяцком фольклоре и литературе. Образ прядильных веретен в «Войне и мире» Л. Толстого «символизирует бессмысленность и механическую машинальность разговоров» в салоне Шерер, а «внетекстовая» (то есть непосредственно, открыто в данном тексте не заявленная) ассоциация: безостановочное движение веретен является атрибутом античных богинь судьбы, прядущих нить человеческих судеб» [3], «Шёрттём дёра» (Холст без ниток) вызывает в памяти ассоциации и с современными лирическими песнями («Судьбы моей простое полотно»).

После такой экспозиции, представляющей выразительное обобщение жизненной картины, где нет ничего случайного, редко встречающегося, действие переносится с «широкой земли» на берег реки Иньвы, любимый уголок автора – Вёзьясин – высокое место на крутом берегу родной реки. Локализуется место действия, появляется персонаж из конкретной, реально существующей деревни – Анисья из Ыджыд Шулая. (Во время фольклорной студенческой экспедиции 1986 г. студентами Сыктывкарского университета установлено, что Анисья – реальное лицо, выявлены биографические данные).

Автор, подчеркивая несомненное родство своих произведений с народными, делает пометки: «важся прогвазён» (на старинный мотив), в названиях произведений упоминает фольклорный жанр («Мыйкё сказки кодь» – Что-то похожее на сказку), сохраняет традиционные зачины («Оласё да вёласё» – Жили-были) и первоначальное значение фольклорных образов.

Фольклорные мотивы, образы определили содержание первых литературных опытов всех зачинателей коми-пермяцкой литературы. А самый распространенный жанр – лирическая песня – хранит фольклорную традицию не только коми-пермяков, но и всего региона, где формировалось творчество каждого из авторов. Именно песня явилась переходным жанром от устной народной поэзии к письменной литературе. В первые годы революции устная форма бытования произведения преобладала, а рождению новых песен способствовали и «коми вечера», где рождались индивидуальные и коллективные формы творчества. Устность, коллективность происхождения и бытования – это важнейшие черты фольклора – характерны и для некоторых произведений, рожденных в эти годы на «коми вечерах». Так, в 1923 г. участники Егвинского «коми вечера»

А. Зубов, Ф. Тараканов, А. Тупицына, А. Спорова сочинили песню «Лен», которая впоследствии стала народной.

Пристальное внимание к произведениям устного народного творчества, неутомимая работа по сбору фольклорных материалов наложили свой отпечаток на творчество Питю Ёньё. Творчески осмысливая фольклорные мотивы, используя средства поэтической выразительности устного народного творчества, Питю Ёньё нашел свой путь создания оригинальных произведений.

В песне «Кукует бездомная» девушка перед свадьбой грустит в предчувствии безрадостной жизни с нелюбимым. Образ ее ассоциируется с бездомной кукушкой.

Кёкё горттём сера басёк кёкиньюй
 Парма яг шёрын.
 Норён бёрдё чочков юра ныльнёй
 Югыт шор дорын:
 «Чожа ид шепьясас паськыт ыб вылын,
 Пёдтас кёклись горш.
 Петырлун сибётчас чожа сы бёрын,
 Нуас менчим горт...»
 Перевод:
 Кукует серая бездомная кукушка
 В глуши пармы.
 Горько плачет белоголовая девушка
 У светлого ручья:
 «Скоро ячмень заколосится на широком поле,
 Закроет горло кукушки.
 Петров день наступит вскоре после этого,
 Унесет мой дом...».

Народная символика: кукушка – девушка на выданье, темный лес – несчастная жизнь; белая береза, светлый ручей – символы воли и счастья – все эти поэтические параллели придают песне большую эмоциональную выразительность. Как известно, лирическая песня вся по природе своей монологична. В песнях Питю Ёньё введение психологического, синтаксического параллелизма, и способ изображения обстановки, и указание на время года и суток, и такой вид композиции, как ступенчатое сужение образа – все эти виды изобразительности соответствуют фольклорному произведению, а сами произведения содержат реалии коми-пермяцкого образа жизни, в частности, время действия обозначено народной приметой: (Скоро ячмень заколосится на широком поле, кукушка перестанет куковать). Поэтический образ бездомной кукушки стал у Зубова одним из его любимых. С большим сочувствием он пишет о судьбе девушки в поэме «Горттём кёк» (Бездомная кукушка).

Песню «Кукует бездомная» и поэму «Бездомная кукушка» соединяет не только символический образ кукушки, но и особенности композиции. Оба произведения построены как рассказы-жалобы, только в первом из них

горький плач девушки обращен ко всему миру, и неизбежность решения девичьей судьбы очевидна.

В поэме же, ставшей песней, плач ее может быть услышан не только родителями, но и любимым человеком. Причем поэма построена как плач в плаче, внутри жалобы «другу Ване» заключен «причет» (причитание) родителям. Вопросы дочери, следующие друг за другом, ставят в тупик отца с матерью:

Мыйлõ, мыся, тэ	Зачем, мол, ты
Менõ, маминьõй,	Меня, матушка
Кõркõ чужтõмыт,	Родила когда-то.
Кõркõ быдтõмыт?	Зачем вырастила?
Мыйлõ йõзõ тэ	Зачем к людям на свет
Менõ лэдзõмыт,	Меня выпустила,
Мыля юр вылам	Почему на голову
Абу тальчõмыт?	Не наступила?

Как и в народной песне, в «Бездомной кукушке» пожелания не исполняются, вопросы остаются без ответа. Постоянные эпитеты (чочком морос – белая грудь, сердешнõй другиньõй – сердечный мой друг), дактилические глагольные концовки, придающие стиху напевность (видчыны – горзыны, петõ ни – локтõ ни, быдтймõ – воштймõ), синтаксические параллелизмы (Ох, некин оз тõд менчим олõмõс, не кин из бурõt менчим сьõлõмõс – Ох, никто не знает моей жизни, никто не успокоит моего сердца) – эти черты народной песни были дороги Питю Ёньõ, как и прием постоянного сопоставления природного и человеческого:

Шондi рас сайсянь воно петõ ни.
Менам модзõкõ некõ локтõ ни.

Из-за рощи вот уже солнце всходит,
Мой милый, кажется уже идет.

Известно из воспоминаний современников, что Андрей Никифорович Зубов обладал хорошим голосом (баритоном), пел в хоре и солировал. Со своими произведениями знакомил читателей и слушателей на «коми вечерах». В. А. Савин в очерке «Коммуын» (На коми-пермяцкой земле) писал: «Будрин (велõдысь) ворсõ, ме да Питю Ёньõ сьылам» (Будрин (учитель) играет, мы с Питю Ёньõ поем)».

Достоинство произведений А.Зубова в первую очередь состоит в том, что он творчески обогащает фольклорные источники. Один из наиболее характерных мотивов коми-пермяцкой устной народной поэзии – изображение женской судьбы – занимает в его творчестве значительное место. Он пишет о молодой девушке, полной предчувствий безрадостной жизни с нелюбимым («Бездомная кукушка», 1923 г.), с большим сочувствием рассказывает о судьбе замужней женщины («Несчастливая», 1923 г.), позже показывает, как женщина обретает равноправие («По новому пути», 1933 г.).

Традиционные образы-символы приобретают в его поэзии новое звучание. В поэме «Кукует бездомная», отталкиваясь от традиционного

значения образа (Кукушка – символ одиночества), автор дополняет его. Отрицанием устоявшихся семейных отношений героиня утверждает свое право на счастье. Народный образ кукушки получает оптимистическое истолкование.

Герои его первых стихотворений обрисованы контурно, в их характере подчеркнута лишь главное, что обычно характерно для фольклорной традиции. В поэмах же «Кукует бездомная» и, в особенности, «По новому пути» образы героев конкретизированы, обстоятельства и поступки социально обусловлены.

Значительное место в поэзии А. Зубова занимают агитационно-публицистические стихи. Строительство социализма воспринималось компермяцким поэтом как массовое движение к солнцу, движение-марш. Жанры марша, массовой песни были широко распространены в советской поэзии 1920-х гг. Они выражали мысли и чувства народа. В стихотворениях «Ме я кытчöдз томся том» (Пока я еще молод), «Кöр ме томнам зонкаалі» (Когда я был молодым парнем), «Ой, деревня менам» (Ой, деревня моя) молодость связывается с осуществлением самых заветных желаний. Лирический герой поэзии А. Зубова полон энергии, силы, молодого задора. С гармошкой в руках он будит родную деревню, призывает ее «шагать смело к свету, не возвращаться к старому». Начинает он с известного, знакомого каждому деревенскому жителю мотива:

Туна-тана гармонья,
Да деревня кузя муна,
Деревня кузя муна,
Песня поткöта сьыла.

Туна-тана гармоника
По деревне я иду,
По деревне я иду,
Песни распеваю.

Затем переходит к песне, где выражено самое заветное:

Ой, деревня менам–
Сьöлöмгажиньöй!
Бура оськав югыт.лань,
Эн берт важинат.

Ой, деревня моя –
Радость сердца!
Шагай смело к свету,
Не возвращайся к старому.

Песенная лирика Питю Öньö отражает разнообразие человеческих переживаний – грусть и печаль от разлуки с любимым, радость ожидания счастливых перемен в деревне, образ которой у Питю Öньö ассоциируется с образом любимой девушки сьöлöмшöриньöй (середина сердца моего), сьöлöмгажиньöй (радость сердца моего).

Ритмико-интонационный строй песен посвященных описанию масленицы отличается обилием звукоподражаний, повторов, создающих образ движущегося многолюдного праздника, который начинается с веселого застолья

Горби одзын чижа – важа
пызан сайын гажа-гажа.

Перед печью чижа-важа,
За столом весело-весело.

И заканчивается массовым, бесшабашным весельем – катанием с ледяной горы.

Йыа-йыа ыджыт керӧс,
Керӧс йылын мунӧ пӧрӧс.

Вся льдом покрытая гора,
На вершине невообразимая суета (букв. пӧрӧс – эпидемия),
так как все заражены праздничным настроением.

Четырехстопный хорей точно передает этот ритм бесшабашного озорства, веселья в масленицу. Народнопоэтические представления о грусти и веселье были хорошо знакомы автору, не случайно он спешил донести их до читателя и слушателя. В беседе с корреспондентом газеты «По ленинскому пути» А. Н. Зубов отмечал, что «художественной литературой начал заниматься с 1921 года, занимался ею попутно, но эту работу не в силах был прекратить» [6].

Литература

1. Гораздуль (Звонкий шар). – Сыктывкар, 1923.
2. *Медриш, Д. Н.* Литература и фольклорная традиция / Д. Н. Медриш // Вопросы поэтики. – Саратов, 1980. – С. 180.
3. *Гаспаров, Б. М.* Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX в. / Б. М. Гаспаров. – М., 1993. – С. 285.
4. *Небдінса Виттор.* Коммуын / Небдінса Виттор // Ордым. 1929. – №10. – С. 11-24.
5. *Питю Ёньӧ.* Ёнджа (Что-то) / Питю Ёньӧ. – М., 1929.
6. По ленинскому пути. – 1935. – 20 авг.